

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 93/94:27

ББК 87.3(2)53:86.372.24

Федор Александрович Гайда

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, богословский факультет, доктор исторических наук, доцент, приглашенный сотрудник Лаборатории исследований церковных институций, Россия, Москва, e-mail: fyodorgayda@gmail.com

Интеллигенция и Церковь: вопрос о соотношении идейного и духовного в лидерстве (конец XIX – начало XX в.)¹

Аннотация. Рассматривается вопрос о взаимоотношениях интеллигенции и Церкви в России в период масштабных социально-экономических и политических изменений рубежа XIX–XX вв. (включая Февральскую революцию 1917 г.). Актуальность исследования связана с появлением в последнее время ряда работ, посвященных восприятию интеллигенции в церковной среде. В то же время представления интеллигенции о Церкви в научной литературе раскрыты еще не полностью. Исследование основано на публицистике, делопроизводстве (материалах Религиозно-философских собраний и Петербургского Религиозно-философского общества), материалах периодики, источниках личного происхождения. Сделан вывод, что в этот период интеллигенция в собственной среде уже рассматривалась как параллельный Церкви проект, что неизбежно наделяло саму интеллигенцию соответствующими чертами (мессианством, жертвенностью, эсхатологией, культом святых). При этом показано, что первостепенной была не духовная, а социальная и, в особенности, идейная роль интеллигенции, нашедшая отражение в работах народников (Г.И. Успенского, Н.К. Михайловского). Демонстрируется, что Д.С. Мережковский развивая эту традицию, придавал интеллигенции всемирное и мистическое значение. Отмечается, что критиками такого подхода в 1900-е гг. выступили В.А. Тернавцев, А.А. Блок и Вяч. Иванов, которыми был поставлен вопрос о вхождении интеллигенции в церковную ограду. Сделан вывод, что после победы Февральской революции 1917 г. интеллигенция приступила к реализации собственного проекта преобразования церковного устройства на демократических основаниях.

Ключевые слова: интеллигенция, Русская Православная Церковь, «новое религиозное сознание», идейное лидерство, духовное лидерство, Февральская революция 1917 г., Святейший Синод

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10143, <https://rscf.ru/project/19-78-10143/>. Организация выполнения проекта – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 19-78-10143, <https://rscf.ru/project/19-78-10143/>. Organization of the project implementation – St. Tikhon Orthodox University for the Humanities.

Fyodor Aleksandrovich Gayda

Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Faculty of Theology, Habilitated doctor (History), Associate Professor, Visiting Fellow of the Ecclesiastical Institutions Research Laboratory, Russia, Moscow, e-mail: fyodorgayda@gmail.com

Intelligentsia and the Church: the Issue of the Correlation of the Ideal and Spiritual in Leadership (late XIX – beginning XX centuries)

Abstract. The question of the relationship between the intelligentsia and the Church in Russia during the period of large-scale socio-economic and political changes at the turn of the 19th–20th centuries (including the February Revolution of 1917) is considered. The relevance of the study is determined by the recent appearance of works devoted to the perception of the intelligentsia in the church environment. At the same time, the ideas of the intelligentsia about the Church in the scientific literature have not yet been fully disclosed. The study is based on journalism, office work (materials of the Religious-Philosophical Meetings and the St. Petersburg Religious-Philosophical Society), periodicals, and sources of personal origin. It is concluded that during this period, the intelligentsia in its own environment was already considered as a project parallel to the Church, which inevitably endowed the intelligentsia itself with the appropriate features (messiahism, sacrifice, eschatology, the cult of saints). At the same time, it is shown that the primary was not the spiritual, but the social and, in particular, the ideological role of the intelligentsia, which was reflected in the works of the populists (G.I. Uspensky, N.K. Mikhailovsky). It is shown that D.S. Merezhkovsky developed this tradition, but gave the intelligentsia a global and mystical sound. It is noted that the critics of this approach were V.A. Ternavtsev, A.A. Blok and Vyach. Ivanov in the 1900s; these thinkers spoke of the need for the intelligentsia to enter the Church. It is concluded that after the victory of the February Revolution of 1917, the intelligentsia began to implement their own project of transforming the church system on democratic grounds.

Key words: intelligentsia, Russian Orthodox Church, “new religious consciousness”, ideological leadership, spiritual leadership, February Revolution of 1917, Holy Synod

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.2.092-110

Масштабные социально-экономические изменения в России во второй половине XIX – начале XX в. неизбежно порождали ситуацию политического и духовного кризиса (перелома). Это стало вызовом как для Церкви (существовавшей в рамках синодального строя и в административном смысле являвшейся частью государства), так и для образованного общества. Последнее зачастую претендовало на роль руководителя страны и в этой связи должно было обозначить свою позицию, в том числе, в отношении Церкви. Актуальность исследования дополняется тем, что в современной историографии проблема реакции церковной среды на амбиции интеллигенции уже получила должное освещение².

² См.: Винюкова Н.В. Русская «интеллигенция» рубежа XIX–XX веков: от светского канона к церковному // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6, № 1. С. 65–88 [1];

Термин «интеллигенция» для обозначения определенной социальной группы сформировался в России в 60-е гг. XIX в. Первоначально под ним понималось образованное общество. Предполагалось, что оно является коллективным самосознанием страны, хотя при этом отмечалось, что интеллигенция часто находилась не на высоте своих нравственных и духовных задач³. Например, в 1880 г. Ф.М. Достоевский писал: «Нет, уж я лучше буду с народом; ибо от него только можно ждать чего-нибудь, а не от интеллигенции русской, народ отрицающей и которая даже не интеллигентна». Тем не менее писатель выражал надежду на будущее: «Возрождается и идет новая интеллигенция, та хочет быть с народом. А первый признак неразрывного общения с народом есть уважение и любовь к тому, что народ всею целостью своей любит и уважает более и выше всего, что есть в мире, – то есть своего Бога и свою веру. Эта новогрядущая интеллигенция русская, кажется, именно теперь начинает подымать голову. Именно, кажется, теперь она потребовалась к общему делу, и она это начинает и сама сознать» [4, с. 236]. Таким образом, речь шла о приоритете духовного над идейным: если идейность давала право на насилие в отношении народа ради высокой задачи, то духовный подход предполагал самопожертвование. В идейном интеллигенция достигала апогея своей самости и власти, в духовном могла слиться с народом и Церковью в единое целое.

«Настоящая интеллигенция»

Уже в 1880-е гг. в русской социалистической публицистике (не без влияния консерваторов) стало складываться новое значение интеллигенции: упор был сделан не на образовании, а на идейности⁴. О подлинно «народной интеллигенции» стал писать Г.И. Успенский. Он противопоставлял существующую в народе правду «наивного лесного зверства» и правду «божескую», которую «и вносила в народную среду народная интеллигенция». При этом публицист проводил прямую параллель между «народной интеллигенцией» и христианскими святыми: «Ее был тип Божия угодника. Но это не тот угодник, который, угождая Богу, заберется в дебрь или взлезет на столб и стоит на нем тридцать лет. Нет, наш народный угодник хоть и отказывается от мирских забот, но живет только для мира» [6, с. 125–126]. В качестве примера приводился канонизированный Церковью православный иерарх – Тихон Задонский, отличавшийся заботой о простом народе. Успенский обосновывал необходимость существова-

Ячменик В.А., Макарова А.В. «В Церкви должно воскреснуть пророчество»: фигура пророка в русской мысли рубежа XIX–XX вв. // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 100. С. 45–64 [2].

³ См.: Гайда Ф.А. «Русская интеллигенция»: рождение понятия // Философия. Высшая школа экономики. 2020. Т. IV, № 2. С. 229–248 [3].

⁴ См.: Гайда Ф.А. Миссия «интеллигенции» в публицистике русского освободительного движения (1882–1909) // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 141–149 [5].

ния «народной интеллигенции» вещами сугубо практическими: «Дела такого угодного Богу и народу человека как нельзя лучше подходили к общим условиям земледельческого быта. <...> Эта интеллигенция “угодников божиих” внесла в народную русскую массу бездну всевозможной нравственной и физической опрятности (посты, браки в известное время года и т.д.)» [6, с. 171]. Успенский рассуждал в секулярном ключе, понимая под христианством идею социальной справедливости. «Новая интеллигенция» являлась ее носителем: «Тип человека, который, во-первых, “любил” и, во-вторых, любил “правду” ... мы называем народной интеллигенцией» [6, с. 201].

Именно за этой интеллигенцией, по мнению Успенского, было будущее⁵. «Настоящая интеллигенция» объединялась общей нравственной идеей служения: «Интеллигенция среди всяких положений, званий и состояний исполняет всегда одну и ту же задачу. Она всегда – свет, и только то, что светит, или тот, кто светит, и будет исполнять интеллигентное дело, интеллигентную задачу. В поле – светят сучья хвороста, в избе – лучина, в богатом доме – лампа. Но везде разными способами задача исполняется одна и та же: во тьму вносится свет...» [8, с. 237]. Мысль Успенского поддержал наиболее влиятельный народнический публицист конца века Н.К. Михайловский: «Святые угодники были интеллигенцией своего времени. Мы должны их взять за образец для своей деятельности» [9, с. 338].

В.С. Соловьев, напротив, резко критиковал подобное «народопоклонничество», вновь напоминая интеллигенции о ее просветительской задаче и считая эту задачу подлинно христианской. Поэтому Соловьев и апеллировал к взгляду Достоевского⁶. Важно отметить, что в «Краткой повести об антихристе» (1900 г.) «весьма известный среди русского народа» старец Иоанн, епископ на покое, наделяется Соловьевым чертами того же Тихона Задонского⁷. Конечно, в данном случае старец занят не улучшением народного быта, а спасением православного народа. Неслучайно Н.А. Бердяев в период своего увлечения «новым религиозным сознанием» и дружбы с Д.С. Мережковским (его критическое отношение к взглядам В.С. Соловьева на рубеже веков известно⁸) заявит: «Достоевский и Вл. Соловьев больше всех сделали для нового религиозного движения, это самые большие наши люди, наши учителя, но их религиозная душа наполовину была еще старая. <...> В Церковь они шли по-старому, все их богатства не входили с ними в Церковь,

⁵ См.: Успенский Г.И. Власть земли // Успенский Г.И. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 401–402.

⁶ См.: Соловьев В.С. Идолы и идеалы. 1891 // Соловьев В.С. Собрание сочинений В.С. Соловьева. В 10 т. Т. 5. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. С. 372–378 [10].

⁷ См.: Соловьев В.С. Три разговора. 1899–1900 // Соловьев В.С. Собрание сочинений В.С. Соловьева. В 10 т. Т. 10. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. С. 208 [11].

⁸ См.: Коростелев О.А. Круг Мережковских о Вл. Соловьеве до революции и в эмиграции // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 3 (59). С. 78–80 [12].

весь их опыт не делал этой Церкви обширнее и поместительнее, в Церкви они себя лишь отрицали» [13, с. 199–200].

В результате народнической проповеди была подготовлена почва для прямого сопоставления (противопоставления) интеллигенции и Церкви. На рубеже веков В.А. Тернавцевым был подготовлен доклад «Русская Церковь пред великою задачей». При открытии петербургских Религиозно-философских собраний в конце 1901 г. первые два их заседания были посвящены обсуждению именно этого текста. Тернавцев исходил именно из заложенного народниками восприятия интеллигенции как «силы самой способной к гражданскому творчеству во имя принятой в душу идеи»⁹. Публицист давал такое определение «интеллигенции»: «Нечто единое, целое, связанное единством исканий и разума, во взаимной поддержке и ответственности перед окончательным судом истории. <...> Она движется идеей нового строя, нового общества, – одухотворенного, где нет разлада между идеалом и действительностью»¹⁰. Однако если народники склонны были сблизить идею интеллигенции и христианскую идею, то Тернавцев их полностью противопоставлял: «Любовь интеллигенции к ближнему ... это иная, не Христова любовь. Христова любовь к ближнему всегда дает мир сердцу и освобождение. Интеллигенция, несмотря на огромность жертв, на чувство исполненного долга при своем служении народу, ни мира, ни радости в душе не имела. Напротив, разлад, разочарование, тоску» [14, с. 35]. То же самое касалось задач Церкви и задач интеллигенции: одна вела к личному и «потустороннему» спасению, другая – к общественному и земному. Сила интеллигенции заключалась в том, что она, хотя и противостояла Церкви, но все же подражала ей. Служа своей идее, интеллигенция «создала свой тип безрелигиозного проповедника – агитатора»¹¹. Поэтому Тернавцев сохранял веру в возможность христианского обращения интеллигенции: «Разочаровавшись в самом духе своего просвещения, интеллигенция может повернуть к Церкви, явив собой тип благочестия в духе общественного служения» [14, с. 25].

«Революция духа»

Активный участник Религиозно-философских собраний, Д.С. Мережковский в молодости находился под большим влиянием Успенского и Михайловского, разойдясь с народничеством лишь на почве собственных мистических исканий¹². С началом Первой русской революции 1905–1907 гг. Мережковский

⁹ См.: Заседание I // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / под ред. С.М. Половинкина. М.: Республика, 2005. С. 8 [14].

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ См. Заседание I // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). С. 10.

¹² См.: Николокин А. Феномен Мережковского // Д.С. Мережковский: pro et contra: личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: антология / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. А.Н. Николокин. СПб.: РХГИ, 2001. С. 11–12 [15].

выступил с идеей «революции духа», в рамках которой «русской интеллигенции» уделялось центральное место. «Новая церковь» (она же «новая социальность»), согласно этому учению, могла возникнуть на основе «русской интеллигенции», чтобы затем преобразить весь мир. В программной статье «Грядущий Хам» (1905 г.) Мережковский писал: «Я не берусь решить, что такое русская интеллигенция, чудо ли она или чудовище, – я только знаю, что это, в самом деле, нечто единственное в современной европейской культуре» [16, с. 26]. Переосмысливая (с точностью до наоборот) главную идею Тернавцева, Мережковский утверждал: «О русской интеллигенции иногда можно сказать то же, что о Белинском: она еще не с Христом, но уже с нею Христос» [16, с. 34]. Знаменитой уваровской триаде («православию, самодержавию, народности») Мережковский противопоставлял новую триаду – революционную: интеллигенцию, новую церковь и восставший русский народ. Главной угрозой для «революции духа» выступало мещанское (буржуазное) черносотенство. Публицист писал: «Мироправитель тьмы века сего и есть грядущий на царство мещанин, Грядущий Хам. У этого Хама в России – три лица. Первое, настоящее, – над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви. Второе лицо, прошлое, – рядом с нами, лицо православия, воздающего кесарю Божие, той церкви, о которой Достоевский сказал, что она “в параличе”. <...> Мертвый позитивизм православной казенщины, служащий позитивизму казенщины самодержавной. Третье лицо, будущее, – под нами, лицо хамства, идущего снизу, – хулиганства, босячества, черной сотни, – самое страшное из всех трех лиц. Эти три начала духовного мещанства соединились против трех начал духовного благородства: против земли, народа – живой плоти, против церкви – живой души, против интеллигенции – живого духа России» [16, с. 37–38].

Первая русская революция представлялась Мережковскому началом всемирного преображения: «Политическая революция в России только первый приступ этих более рождающих. <...> В революции правда человеческая становится Божеской; в религии правда Божеская становится человеческой; обе эти правды должны соединиться в новую, совершенную, Богочеловеческую истину» [17, с. 93]. Будучи сторонником социалистической идеологии, Мережковский резко критиковал либералов, в том числе близких либерализму религиозных философов. Православные «реформаторы», особенно Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков¹³, обличались публицистом как духовные реакционеры: «Религиозные революционеры вышли из православия, из религиозного утверждения старого государственного порядка и пришли к его отрицанию, к революции; реформаторы идут обратным путем: выйдя из революции, идут в православие» [17, с. 92].

¹³ См.: Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб.: Алетейя, 1996. С. 282–285 [18].

Позднее мысли Мережковского развивал его соратник А.В. Карташев. Однако для успеха духовной революции, по его мнению, интеллигенция должна была овладеть Церковью, ее организацией. На заседании петроградского Религиозно-философского общества (наиболее известного тогда в стране религиозно-философского форума) в апреле 1915 г. Карташев заявлял: «Новое вино непрерывно растущих запросов жизни и религиозного сознания нельзя вливать в старые мехи ни одного из существующих законченных вероисповеданий христианства. Ни одно из них не в состоянии решить задачи, ему непосильной, ибо каждое есть только частичное воплощение неисчерпаемой глубины живого духа и живого существа церкви. Каждое стареет, изнемогает, иссыкает» [19, с. 185]. Карташев (как ранее и Мережковский) приводил в пример Реформацию, которая не привела к обновлению христианства¹⁴. Позднее, на октябрьском заседании 1915 г., Карташев отрицал возможность реформировать Церковь каноническим путем, поскольку «канонизм формален, мертв». Публицист пришел к выводу: «Надо устроить самым демократическим образом Церковь, освободить ее, и если в ней есть внутренняя христианская жизнь, тогда это скажется в том, что эти освобожденные силы запросят чего-то другого, они преобразят Церковь во всех ее частях, не в смысле только канона и поправки богослужбных книг, ибо такая мысль существует и в Синоде, а в смысле изменения самых форм деятельности Церкви, в смысле изменения проповеди, литературы, мысли, в смысле всего христианского мировоззрения, доходя, быть может, до перерождения самого духа церковного, ибо этот дух создает народ и культура» [20, с. 235–236]. Таким образом, спасение Церкви шло извне Церкви.

«Умертвить себя»

В целом идеи Мережковского вызвали большой резонанс. В ноябре 1908 г. на заседании общества с резкой критикой интеллигенции выступил поэт А.А. Блок (доклад «Россия и интеллигенция»). Он ставил под сомнение ее способность возглавить народ. Интеллигентская «любовь к народу» еще с екатерининских времен оставалась, по мнению Блока, лишь отражением любви к самой себе: «Ходят в народ, исполняются надеждами и отчаиваются; наконец, погибают, идут на казнь и на голодную смерть за народное дело. Может быть, наконец поняли даже душу народную; но как поняли? Не значит ли понять все и полюбить все – даже враждебное, даже то, что требует отречения от самого дорогого для себя, – не значит ли это ничего не понять и ничего не полюбить?» [21, с. 363]. Блок возвращался к знаменитому спору «отца русской

¹⁴ См.: Заседание 12 апреля 1915 г. // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. Т. 3 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. С. 185 [19].

интеллигенции» В.Г. Белинского с Н.В. Гоголем и напоминал слова писателя о долге интеллигента: «Монастырь наш – Россия! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней» [21, с. 365]. Блок указывал на то, что любовь к народу должна была вести интеллигенцию к жертве, к развоплощению в процессе практического сострадания¹⁵. Тем самым Блок выступал солидарно с Тернавцевым. По мнению Блока, вера интеллигенции в собственную миссию оборачивалась в отчаяние: «Если во мне самом нет ничего, что любил бы я больше, чем свою влюбленность индивидуалиста и свою тоску, которая, как тень, всегда и неотступно следует за такою влюбленностью?» [21, с. 366–367]. Вместо «Грядущего Хама» у Мережковского тут появлялся прямо противоположный образ – летящая «птица-тройка». Если у Мережковского «в белом венчике из роз» шла сама интеллигенция, то Блок позднее наградит им народ – но тоже революционный.

Поэт и философ Вячеслав Иванов, выступавший в собрании общества с докладом «О русской идее» вскоре после Блока, также приходил к выводу о неизбежном крушении секулярной просветительской миссии интеллигенции, поскольку эта миссия заключалась в «служении народу как некоему богу»¹⁶. Но – и тут мысль Иванова тоже возвращалась к идее Тернавцева – в таком служении могло скрываться и неосознанное обращение интеллигенции «к народу за Богом»: «Она не осмыслила этой тоски религиозно, она не сознавала, что не народа ей нужно, а того же, чтоО нужно и народу, ... не ведала, что органически-примитивное духовное бытие народа есть ветхий завет, чающий раскрытия своей истины в новом религиозном сознании» [22, с. 408–410]. Однако, в отличие и от Тернавцева, и от Блока, Иванов настаивал на взаимном изменении интеллигенции и народа, условной деполитизации общественной активности и ее подчинении главной задаче – «воскресению» народа¹⁷.

«Церковная интеллигенция»

Ответом Мережковскому стал и знаменитый сборник «Вехи». С.Н. Булгаков, мысливший себя продолжателем В.С. Соловьева, более всех участников сборника настаивал на необходимости дальнейшего существования интеллигенции ввиду ее огромного значения для страны: «Для русской интелли-

¹⁵ См.: Заседание 13 ноября 1908 г. // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. Т. 1 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. С. 365–366.

¹⁶ См.: Заседание 30 декабря 1908 г. // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. Т. 1. М.: Русский путь, 2009. С. 396 [22].

¹⁷ Там же. С. 407.

генции предстоит медленный и трудный путь перевоспитания личности, на котором нет скачков, нет катаклизмов и побеждает лишь упорная самодисциплина. Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: государственной – для осуществления “реформ”, экономической – для поднятия народного хозяйства, культурной – для работы на пользу русского просвещения, церковной – для поднятия сил учащей церкви, ее клира и иерархии» [23, с. 74–75]. Булгаков говорил об «отсутствии правильного учения о личности»¹⁸ и его создание считал своим долгом «хотя бы в качестве общественно-го “послушания”»¹⁹. Новое учение могло лечь в основание преобразования интеллигенции: «Церковная интеллигенция, которая подлинное христианство соединяла бы с просвещенным и ясным пониманием культурных и исторических задач (чего так часто недостает современным церковным деятелям), если бы таковая народилась, ответила бы насущной исторической и национальной необходимости» [23, с. 81–82]. Далее следовала очень показательная оговорка: «И даже если бы ей и на этой череде пришлось подвергнуться преследованиям и гонениям, которых интеллигенция столько претерпевает во имя своих атеистических идеалов, то это имело бы огромное историческое и религиозно-нравственное значение и совершенно особенным образом отозвалось бы в душе народной» [23, с. 82].

Новое направление интеллигентской активности Булгаков связывал с преображенным пониманием личности. «Общественное послушание» мыслителя первоначально выразилось в написании работы «Философия хозяйства», которая оказалась проникнута как антикапиталистическим, так и антимарксистским пафосом. Экономическая проблематика рассматривалась именно в контексте учения о личности. Несколько позднее Булгаков напишет: «Стиль хозяйства соответствует духовному стилю эпохи (напр., довольно прозрачна связь, существующая между капитализмом и новоевропейским гуманизмом)» [24, с. 359]. Булгакову предстояло открыть духовное измерение личности, способной преодолеть материалистические искушения современного мира и преобразить его.

Первым специфически богословским произведением Булгакова стал «Свет Невечерний», написанный в 1911–1916 гг. и опубликованный в мае 1917 г., уже после Февральской революции. Центральной «земной» проблемой этой работы является обоснование «христианского мира» – общества, построенного на христианских ценностях. Булгаковский проект отнюдь не являлся апологией существующего порядка: монархического или республиканского. Булгаков пытался противопоставить идею Церкви секулярной идее исторического прогресса. Земная Церковь, по Булгакову, выступала естественным

¹⁸ См.: Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 64–65.

¹⁹ Там же. С. 75.

учреждением, существующим испокон веков: «Из кафоличности, как общего качества религиозного сознания следует, что в религиозном сознании, по самой его, так сказать, трансцендентальной природе, уже задана идея церковности, подобно тому как в гносеологическом сознании задана идея объективности знания. <...> Идея церкви родилась не в христианстве, она существует и раньше, и вне христианства. Поэтому можно <...> говорить о церкви иудейской, о церкви языческой, буддийской и пр.» (курсив наш. – Ф.Г.) [24, с. 56–57].

Естественную Церковь Булгаков сравнивал с политической партией или философской школой. При этом, разумеется, признавалась и мистическая составляющая: «Церковь не есть только “община последователей”, какую оставляли после себя великие учителя и пророки, но некое Существо, живой организм, Тело Христово» [24, с. 346]. Далее следовал тезис, не получавший никакого философского обоснования: «Это не мешает и тому, что она есть иерархически организованное общество, причем иерархия владеет божественною властью свершения таинств, преемственно через апостолов врученной ей самим Христом» [24, с. 346]. Истинная Церковь, по Булгакову, становилась центром и смыслом мироздания, этим оправдывались и ее видимые нестроения: «Церковь есть душа души мира и души истории. Онтология истории и есть церковная история, конечно, не внешняя “история церкви”, как учреждения, но внутреннее свершение ее судеб. Эти последние сплетены с общим ходом истории, но эта связь лежит так глубоко, что недоступна природному, непросветленному благодатию Божией человеку; она раскрывается в откровении, но и оно остается запечатленной тайной» [24, с. 409]. Таким образом, церковная иерархия и церковная история Булгаковым признавались, но их соответствие и Церкви естественной, и Церкви мистической в данной схеме очевидно провисало. Это сочетание давалось мыслителю с большим трудом, вне общей стройной логики булгаковских построений.

Ущербность конструкции восполнялась критикой альтернативных теорий. Оправдание Церкви достигалось тем, что остальной мир был намного хуже нее. Мир вне Церкви был обречен. Общественная эволюция не вела к нравственному прогрессу человечества²⁰. Любая абсолютизация демократии, по мнению Булгакова, прямо противопоставляла ее небесной Церкви²¹. Он предрекал демократии неизбежное сползание в вождистскую диктатуру с ярко выраженным антихристианской идеологией²². Но вместе с тем теократический проект Булгакова имел мистический характер и не был, в частности, связан с самодержавием²³.

²⁰ См.: Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции). С. 341–342.

²¹ Там же. С. 405.

²² Там же. С. 407.

²³ Там же. С. 394–395.

«Полная свобода Церкви»

Признавая или не признавая свои собственные грехи, интеллигенция тем не менее с еще большим размахом бичевала грехи «официальной Церкви». В начале XX в., особенно начиная с 1910 г., интеллигенция резко критиковала всевластие «синодальной бюрократии», порождавшее, по мнению критиков, пресловутый «паралич церкви». Причем под этой «бюрократией» понималось как чиновничество «ведомства православного вероисповедания», так и церковный епископат²⁴. По мнению интеллигенции, епископат оказался погрязшим в безнравственности, апогеем чего стала «распутинщина»²⁵. М.А. Новоселов (позднее причисленный Церковью к лику Новомучеников) в своем обращении к Синоду (1912 г.) писал про «хитрого заговорщика против святыни, церкви и гнусного растлителя душ и телес человеческих, Григория Распутина, дерзко прикрывающейся этой самой святыней церковной»²⁶.

Сразу после победы Февральской революции 1917 г. в статье «Трагизм церкви», опубликованной в ведущей кадетской газете «Речь» (кадетская партия составила костяк Временного правительства), директор Демидовского юридического лицея профессор В.Г. Щеглов, сын священника, писал: «Падение старого строя нигде не отзовется так катастрофически, как в православной церкви. Здесь менее, чем где-либо, понимали, куда идет жизнь, слепо держались мысли в незыблемость самодержавия и связывали с ним вековое дело Христово» [28]. Н.А. Бердяев на страницах кадетского журнала «Русская мысль» приветствовал «падение священного русского царства» и пророчествовал о «новом откровении»²⁷. Мыслитель спорил с А.В. Карташевым о перспективах теократии в России. Бердяев утверждал, что теократия, даже «революционно-демократического типа», в современном мире невозможна; церковное христианство было «объективированным религиозным материализмом», оно противоречило изначальному мистическому настрою христианства. Лишь в гуманистической секуляризованной культуре, полагал философ, возможны будут новые откровения и пророчества²⁸.

Совет петроградского Религиозно-философского общества (секретарем его являлся А.В. Карташев) на своем заседании 11–12 марта 1917 г. обсудил

²⁴ См.: Гайда Ф.А. Либералы и церковь в начале XX в. // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма: сб. материалов Всерос. науч. конф. 1–3 октября 2015 г., г. Орел, Приокский государственный университет. Орел: Изд. дом «ОРЛИК», 2015. С. 154–163 [25].

²⁵ См.: Непрочное сближение [передовица] // Голос Москвы. 17 июня 1910 г. С. 1 [26].

²⁶ См.: Новоселов М. Голос православного мирянина // Голос Москвы. 24 января 1912 г. С. 1 [27].

²⁷ См.: Бердяев Н. Падение священного русского царства // Русская мысль. 1917. № 3. II пагинация. С. 16–23 [29].

²⁸ См.: Бердяев Н.А. Идеи и жизнь. Теократические иллюзии и религиозное творчество // Русская мысль. 1917. № 3. II пагинация. С. 71–80 [30].

вопрос об отношении революционного Временного правительства к Русской Церкви и постановил донести до Верховной власти мыслью о необходимости во имя «реальной свободы религиозной совести» отделения Церкви от государства. Отмечалось, что этот принцип «в чистом виде» возможен только при республике. Вместе с тем Совет требовал от правительства не только «упразднить созданную Духовным регламентом Петра I коллегиально-бюрократическую форму управления церковью», но и «устранить от ответственных постов всех иерархов, составлявших оплот самодержавия»²⁹. Указывалось, что новый революционный обер-прокурор В.Н. Львов обнаружил якобы «недостаточно ясное проведение начала отделения церкви от государства». При этом отмечалось: «Принятие Синодом акта отречения царя от престола в обычной канцелярской форме “к сведению и исполнению” совершенно не соответствует тому огромной религиозной важности акту, посредством которого церковь признала царя помазанником Божиим. Необходим для раскрепощения народной совести и предотвращения возможности реставрации соответственный акт от лица церковной иерархии, упраздняющий силу таинства царского миропомазания, по аналогии с церковными актами, упраздняющими силу таинств брака и священства» [31]. Церковь должна была сакрально убить монархию и навсегда связать себя с республикой.

Весной 1917 г. в России началась «церковная революция»: происходила самоорганизация «церковных низов», епископат удалялся с кафедр, происходили выборы нового³⁰. Обер-прокурор В.Н. Львов, несмотря на обвинения со стороны СРФО, был ярко выраженным «церковным демократом» и сторонником широких церковных реформ³¹. Открыв первое же заседание после победы революции (4 марта), он предложил вынести из зала императорский трон «как эмблему Цезаро-Папизма» и тем символически положить конец господству светской власти над Церковью³². Принцип ее отделения от государства действительно начал осуществляться. 20 марта были отменены все вероисповедные ограничения. 25 марта, на Благовещение, правительство отменило все ограничения, имевшие место для лиц, лишенных сана. 20 июня состоялось отделение начальной школы от Церкви. 5 августа в преддверии Поместного собора был ликвидирован пост обер-прокурора и создано министерство вероисповеданий, что уравнивало в правах все конфессии.

²⁹ См.: Постановление Совета Религиозно-философского общества 1–12 марта 1917 г. // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 814. Оп. 1. Д. 177. Л. 1 [31].

³⁰ См.: Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008. С. 61–206 [32].

³¹ См.: Гайда Ф.А. Церковная политика Временного правительства весной 1917 г. // XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, январь 2012 г.): Материалы. М.: ПСТГУ, 2012. С. 68–69 [33].

³² См.: Торжественное заседание Св. Синода // Новое время. 5 марта 1917 г. С. 5 [34].

Однако, несмотря на заявления нового обер-прокурора об освобождении Церкви, себя Львов считал «облеченным всеми прерогативами прежней царской власти в церковных делах», о чем и заявил Синоду 7 марта³³. Таким образом, самодержавная опека сменялась революционным диктатом. Методы революционного обер-прокурора оказались гораздо более резкими, чем у его предшественников, а вмешательство в дела Церкви – гораздо более грубым и бесцеремонным. Уже через два дня он отправил на покой петроградского митрополита Питирима (Окнова) и предложил уйти московскому митрополиту Макарию (Парвицкому-Невскому), мотивировав такой шаг прежней близостью владыки к Распутину. Синод попытался отстоять архиерея, но 20 марта он был уволен на покой. Львов единолично назначил в состав Синода епископов Андрея (Ухтомского) и Владимира (Путяту) – активных сторонников церковного реформирования. Затем обер-прокурор потребовал от Синода подготовить новый закон о церковном управлении, причем требовал внести в него принцип выборности иерархии и отмены «кастовости» в Церкви. После обращения Синода с протестом к Временному правительству Львов отстранил Синод от управления хозяйственной частью, пригрозил распустить весь его состав и единолично занялся подготовкой соответствующего закона³⁴.

14 апреля состав Синода был распущен по распоряжению правительства. В обновленный состав, самостоятельно определенный обер-прокурором, вошли 5 архиереев, 1 протопресвитер и 3 протоиерея. 26 апреля состоялось первое заседание Синода в новом составе, где Львов выступил с речью, которая стала образцом революционной диалектики: «Обер-прокурорская власть всеми силами стремится к полной свободе церкви. <...>, но в настоящий момент переустройства всей церковной жизни на новых началах свободного самоопределения ... он [обер-прокурор – Ф.Г.] ... не может не вмешиваться в жизнь церкви, т.е. не проявлять здесь даже, пожалуй, некоторого самовластия» [37, с. 16]. Обер-прокурор обвинил епископат в стремлении сохранить полноту церковной власти, хотя сам он «потерял почти всякий кредит». Львов обещал передать всю полноту церковной власти лишь поместному собору, считая его представительством церковных «низов»³⁵. На том же заседании Львов активно поддержал направленное в Синод ходатайство т.н. московского исполнительного комитета объединенного духовенства о созыве 1 июня Всероссийского съезда духовенства и мирян без участия епископата и монашествующих. Обер-прокурор полагал, что «современный епископат потерял всякое доверие, вся-

³³ Фруменкова Т.Г. К биографии Владимира Николаевича Львова // Из глубины времен. № 9. СПб., 1997. С. 94 [35].

³⁴ См.: Фруменкова Т.Г. Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. № 5. СПб., 1995. С. 77–78 [36].

³⁵ См.: Любимов Н., протопресв. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918): сб. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 16–17 [37].

кий авторитет» и появление на съезде «архиереев-распутинцев» вызовет лишь «всеобщий соблазн, грандиозный скандал»³⁶.

30 мая Львов представил Синоду собственный проект его устройства, в соответствии с которым туда должны были входить 4 епископа, 4 пресвитера и 4 мирянина. Обер-прокурор предложил избрать их на предстоящем 1 июня съезде, а подобную спешку объяснил тем, что «современный состав Синода никакого авторитета не имеет, и если держится, то только личным авторитетом обер-прокурора»³⁷. Только единодушный протест состава Синода заставил Львова отказаться от такого плана³⁸. Однако на первом заседании Предсоборного совета 13 июня Львов предложил проводить заседания поместного собора по двум отдельным куриям: епископата (1/3 от состава собора) и клира и мирян (2/3 состава)³⁹. Временное правительство намеревалось созвать поместный собор незадолго до начала работы Всероссийского Учредительного Собрания и закрепить линию на демократизацию церковного управления. 25 июля новым обер-прокурором стал А.В. Карташев, считавшийся сторонником этого курса. 5 августа, за 10 дней до созыва собора, Карташев стал министром вероисповеданий⁴⁰. Приход к власти большевиков резко изменил этот сценарий.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в России интеллигенция часто рассматривалась как параллельный Церкви проект, что неизбежно наделяло интеллигенцию соответствующими чертами (мессианством, жертвенностью, эсхатологией, культом святых). Тем не менее на первое место выходила не духовная, а идейная роль интеллигенции (Г.И. Успенский, Н.К. Михайловский, Д.С. Мережковский). Критиками такого подхода в 1900-е гг. выступили В.А. Тернавцев, А.А. Блок и Вяч. Иванов. Однако вопрос зачастую ставился не только о конкуренции, но и о вхождении интеллигенции в церковную ограду. В этой связи возникал вопрос о трансформации как интеллигенции, так и Церкви (С.Н. Булгаков). Но и в этом случае идейное начало должно было превалировать. После победы Февральской революции 1917 г. интеллигенция попыталась провести в жизнь свой проект церковного переустройства, но октябрьские события сорвали эту попытку.

Список литературы

1. Винюкова Н.В. Русская «интеллигенция» рубежа XIX–XX веков: от светского канона к церковному // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6, № 1. С. 65–88.

³⁶ См.: Любимов Н., протопресв. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918): сб. С. 21.

³⁷ Там же. С. 89–90.

³⁸ Там же. С. 90–93.

³⁹ Там же. С. 119–120.

⁴⁰ См.: Гайда Ф.А. Церковная политика Временного правительства весной 1917 г. // XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, январь 2012 г.): Материалы. С. 66–69.

2. Ячменник В.А., Макарова А.В. «В Церкви должно воскреснуть пророчество»: фигура пророка в русской мысли рубежа XIX–XX вв. // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 100. С. 45–64.
3. Гайда Ф.А. «Русская интеллигенция»: рождение понятия // Философия. Высшая школа экономики. 2020. Т. IV, № 2. С. 229–248.
4. Достоевский Ф.М. – Благодееву А.Ф., 19 декабря 1880 г. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 30. Кн. 1. Л.: Наука, 1988. С. 236–237.
5. Гайда Ф.А. Миссия «интеллигенции» в публицистике русского освободительного движения (1882–1909) // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 141–149.
6. Успенский Г.И. Власть земли // Успенский Г.И. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 97–202.
7. Успенский Г.И. Бог грехам терпит // Успенский Г.И. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 297–405.
8. Успенский Г.И. Из разговоров с приятелями (На тему о «власти земли») // Успенский Г.И. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 203–260.
9. Михайловский Н.К. Глеб Успенский как писатель и человек // Михайловский Н.К. Литературная критика: статьи о русской литературе XIX – начала XX века. М.: Худож. лит., 1989. С. 289–401.
10. Соловьев В.С. Идолы и идеалы. 1891 // Соловьев В.С. Собрание сочинений В.С. Соловьева. В 10 т. Т. 5. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. С. 366–401.
11. Соловьев В.С. Три разговора. 1899–1900 // Соловьев В.С. Собрание сочинений В.С. Соловьева. В 10 т. Т. 10. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. С. 81–221.
12. Коростелев О.А. Круг Мережковских о Вл. Соловьеве до революции и в эмиграции // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 3(59). С. 7–86.
13. Заседание 12 декабря 1907 г. // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. Т. 1 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. С. 183–222.
14. Заседание I // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / под ред. С.М. Половинкина. М.: Республика, 2005. С. 5–44.
15. Николокин А. Феномен Мережковского // Д.С. Мережковский: pro et contra: личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: антология / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. А.Н. Николокин. СПб.: РХГИ, 2001. С. 7–28.
16. Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского. Т. 14. М., 1914. С. 5–39.
17. Мережковский Д.С. Реформация или революция? // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского. Т. 16. М., 1914. С. 83–93.
18. Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб.: Алетейя, 1996. 375 с.
19. Заседание 12 апреля 1915 г. // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. Т. 3 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. С. 167–186.
20. Заседание 25 октября 1915 г. // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. Т. 3 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. С. 220–255.
21. Заседание 13 ноября 1908 г. // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. Т. 1 / сост., подгот. текста,

вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. С. 359–372.

22. Заседание 30 декабря 1908 г. // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. Т. 1 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. С. 387–418.

23. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи; Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 43–84.

24. Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Путь, 1917. 426 с.

25. Гайда Ф.А. Либералы и церковь в начале XX в. // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма: сборник материалов Всероссийской научной конференции. 1–3 октября 2015 г., г. Орел, Приокский государственный университет. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2015. С. 154–163.

26. Непрочное сближение [передовица] // Голос Москвы. 17 июня 1910 г. С. 1.

27. Новоселов М. Голос православного мирянина // Голос Москвы, 24 января 1912 г. С. 1.

28. Щеглов В. Трагизм церкви // Речь. 11 марта 1917 г. С. 2.

29. Бердяев Н. Падение священного русского царства // Русская мысль. 1917. № 3. II пагинация. С. 16–23.

30. Бердяев Н.А. Идеи и жизнь. Теократические иллюзии и религиозное творчество // Русская мысль. 1917. № 3. II пагинация. С. 71–80.

31. Постановление Совета Религиозно-философского общества 1–12 марта 1917 г. // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 814. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–2.

32. Rogoznyy P.G. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008. 223 с.

33. Гайда Ф.А. Церковная политика Временного правительства весной 1917 г. // XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, январь 2012 г.): Материалы. М.: ПСТГУ, 2012. С. 66–69.

34. Торжественное заседание Св. Синода // Новое время. 5 марта 1917 г. С. 5.

35. Фруменкова Т.Г. К биографии Владимира Николаевича Львова // Из глубины времен. № 9. СПб., 1997. С. 87–105.

36. Фруменкова Т.Г. Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. № 5. СПб., 1995. С. 74–94.

37. Любимов Н., протопресв. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918): сб. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 15–120.

References

(Sources)

Collected Works

1. Bulgakov, S.N. Geroizm i podvizhnichestvo (Iz razmyshleniy o religioznoy prirode russkoy intelligentsii) [Heroism and asceticism (From reflections on the religious nature of the Russian intelligentsia)], in *Vekhi; Intelligentsiya v Rossii: sbornik statey. 1909–1910* [Milestones; Intelligentsia in Russia: Collection of articles 1909–1910]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1991, pp. 43–84.

2. Lyubimov, N., archpriest. Dnevnik o zasedaniyakh vnov' sformirovannogo Sinoda (12 aprelya – 12 iyunya 1917 g.) [Diary about the meetings of the newly formed Synod (April 12 – June 12,

1917)], in *Rossiyskaya Tserkov' v gody revolyutsii (1917–1918). Sbornik*. [The Russian Church during the Revolution (1917–1918)]. Moscow: Krutickoe patriarshee podvor'e, 1995, pp. 15–120.

3. Postanovlenie Soveta Religiozno-filosofskogo obshchestva 11–12 marta 1917 g. [Decree of the Council of the Religious and Philosophical Society, March 11–12, 1917], in *Otdel rukopisey Rossiyskoy Natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Fund 814. Inventory 1. File 177. Sheets 1–2.

4. Zasedanie I [Session 1], in *Zapiski peterburgskikh Religiozno-filosofskikh sobraniy (1901–1903 gg.)* [Notes of the St. Petersburg Religious and Philosophical Meetings (1901–1903)]. Moscow: Respublika, 2005, pp. 5–44.

5. Zasedanie 12 aprelya 1915 g. [Session April 12, 1915], in *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): Istoriya v materialakh i dokumentakh: 1907–1917. V 3 t., t. 3* [Religious-Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd): History in Materials and Documents: 1907–1917. In 3 vol., vol. 3]. Moscow: Russkiy put', 2009, pp. 167–186.

6. Zasedanie 12 dekabrya 1907 g. [Session December 12, 1907], in *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): Istoriya v materialakh i dokumentakh: 1907–1917. V 3 t., t. 1* [Religious-Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd): History in Materials and Documents: 1907–1917. In 3 vol., vol. 1]. Moscow: Russkiy put', 2009, pp. 183–222.

7. Zasedanie 30 dekabrya 1908 g. [Session December 30, 1908], in *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): Istoriya v materialakh i dokumentakh: 1907–1917. V 3 t., t. 1* [Religious-Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd): History in Materials and Documents: 1907–1917. In 3 vol., vol. 1]. Moscow: Russkiy put', 2009, pp. 387–418.

8. Zasedanie 25 oktyabrya 1915 g. [Session October 25, 1915], in *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): Istoriya v materialakh i dokumentakh: 1907–1917. V 3 t., t. 3* [Religious-Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd): History in Materials and Documents: 1907–1917. In 3 vol., vol. 3]. Moscow: Russkiy put', 2009, pp. 220–255.

9. Zasedanie 13 noyabrya 1908 g. [Session November 13, 1908], in *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): Istoriya v materialakh i dokumentakh: 1907–1917. V 3 t., t. 1* [Religious-Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd): History in Materials and Documents: 1907–1917. In 3 vol., vol. 1]. Moscow: Russkiy put', 2009, pp. 359–372.

Individual work

10. Berdyaev, N.A. Idei i zhizn'. Teokraticheskie illyuzii i religioznoe tvorchestvo [Ideas and life. Theocratic illusions and religious creativity], in *Russkaya mysl'*, 1917, no. 3, pagination II, pp. 71–80.

11. Berdyaev, N. Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva [The fall of the sacred Russian kingdom], in *Russkaya mysl'*, 1917, no. 3, pagination II, pp. 16–23.

12. Bulgakov, S.N. Svet Nevecherniy. Sozertsaniya i umozreniya [Non-Evening Light. Contemplation and speculation]. Moscow: Put', 1917. 426 p.

13. Dostoevskiy F.M. letter to A.F. Blagonravov, December 19, 1880, in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 30, kn. 1* [Complete works in 30 vol., vol. 30, book 1]. Leningrad: Nauka, 1988, pp. 236–237.

14. Merezhkovskiy, D.S. Gryadushchiy Kham [Coming Ham], in Merezhkovskiy, D.S. *Polnoe sobranie sochineniy Dmitriya Sergeevicha Merezhkovskogo. T. 14* [The Complete Works of Dmitry Sergeevich Merezhkovsky. Vol. 14]. Moscow, 1914, pp. 5–39.

15. Merezhkovskiy, D.S. Reformatsiya ili revolyutsiya? [Reformation or Revolution?], in Merezhkovskiy, D.S. *Polnoe sobranie sochineniy Dmitriya Sergeevicha Merezhkovskogo. T. 16* [The Complete Works of Dmitry Sergeevich Merezhkovsky. V. 16]. Moscow, 1914, pp. 83–93.

16. Mikhaylovskiy, N.K. Gleb Uspenskiy kak pisatel' i chelovek [Gleb Uspensky as a writer and a person], in Mikhaylovskiy, N.K. *Literaturnaya kritika: stat'i o russkoy literature XIX – nachala XX veka* [Literary criticism: articles on Russian literature of the 19th – early 20th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989, pp. 289–401.

17. Neprochnoe sblizhenie [peredovitsa] [Fragile Rapprochement (front page)], in *Golos Moskvy*, June 17, 1910. P. 1.
18. Novoselov, M. Golos pravoslavnogo miryanina [The voice of an Orthodox layman], in *Golos Moskvy*, January 24, 1912. P. 1.
19. Shcheglov, V. Tragizm tserkvi [The Tragedy of the Church], in *Rech'*, March 11, 1917. P. 2.
20. Solov'ev, V.S. Idoly i idealy [Idols and ideals], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy V.S. Solov'eva v 10 t., t. 5* [Collected works of V.S. Solovyov in 10 vol., vol. 5]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911–1914, pp. 366–401.
21. Solov'ev, V.S. Tri razgovora. 1899–1900 [Three conversations. 1899–1900], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy V.S. Solov'eva v 10 t., t. 10* [Collected works of V.S. Solovyov in 10 vol., 10 t.]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911–1914, pp. 81–221.
22. Torzhestvennoe zasedanie Sv. Sinoda [Solemn meeting of the Holy Synod], in *Novoe vremya*, March 5, 1917. P. 5.
23. Uspenskiy, G.I. Bog grekham terpit [God tolerates sins], in Uspenskiy, G.I. *Polnoe sobranie sochineniy v 14 t., t. 5* [Complete Works in 14 vol., vol. 5]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956, pp. 297–405.
24. Uspenskiy, G.I. Iz razgovorov s priyatelyami (Na temu o «vlasti zemli») [From conversations with friends (On the topic of “the power of the earth”)], in Uspenskiy, G.I. *Polnoe sobranie sochineniy v 14 t., t. 5* [Complete Works in 14 vol., vol. 5]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956, pp. 203–260.
25. Uspenskiy, G.I. Vlast' zemli [The power of the earth], in Uspenskiy, G.I. *Polnoe sobranie sochineniy v 14 t., t. 5* [Complete Works in 14 vol., vol. 5]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956, pp. 97–202.

(Articles from Scientific Journals)

26. Frumenkova, T.G. K biografii Vladimira Nikolaevicha L'vova [To the biography of Vladimir Nikolaevich Lvov], in *Iz glubiny vremen. No. 9*. Saint Petersburg, 1997, pp. 87–105.
27. Frumenkova, T.G. Vysshee pravoslavnoe dukhovenstvo Rossii v 1917 g. [The highest Orthodox clergy of Russia in 1917], in *Iz glubiny vremen. No. 5*. Saint Petersburg, 1995, pp. 74–94.
28. Gayda, F.A. Tserkovnaya politika Vremennogo pravitel'stva vesnoy 1917 g. [Church policy of the Provisional Government in the spring of 1917], in *Materialy XXII Ezhegodnoy bogoslovskoy konferentsii Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta (Moskva, yanvar' 2012 g.)* [Proceedings of the XXII Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University (Moscow, January 2012)]. Moscow: PSTGU, 2012, pp. 66–69.
29. Gayda, F.A. Missiya «intelligentsii» v publitsistike russkogo osvoboditel'nogo dvizheniya (1882–1909) [The Mission of the Intelligentsia in the Journalism of the Russian Opposition Movement (1882–1909)], in *Voprosy filosofii*, 2019, no. 9, pp. 141–149.
30. Gayda, F.A. «Russkaya intelligentsiya»: rozhdenie ponyatiya [“Russian intelligentsia”: the birth of the concept], in *Filosofiya. Vysshaya shkola ekonomiki*, 2020, vol. IV, no. 2, pp. 229–248.
31. Korostelev, O.A. Krug Merezhkovskikh o Vl. Solov'eve do revolyutsii i v emigratsii [Merezhkovsky circle about Vl. Solovyov before the revolution and in exile], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2018, issue 3(59), pp. 74–86.
32. Vinyukova, N.V. Russkaya «intelligentsiya» rubezha XIX–XX vekov: ot svetskogo kanona k tserkovnomu [Russian “intelligentsia” at the turn of the 19th–20th centuries: from the secular to the church canon], in *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 65–88.
33. Yachmenik, V.A., Makarova, A.V. «V Tserkvi dolzhno voskresnut' prorochestvo»: figura proroka v russkoy mysli rubezha XIX–XX vv. [“Prophecy must rise in the Church”: the figure of a prophet in Russian thought at the turn of the 19th–20th centuries.], in *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 2022, vol. 100, pp. 45–64.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

34. Gayda, F.A. Liberaly i tserkov' v nachale XX v. [Liberals and the Church at the Beginning of the 20th Century], in *Etnokonfessional'nye i natsional'nye problemy razvitiya otechestvennoy gosudarstvennosti v teorii, programmatike i politiko-pravovoy praktike rossiyskogo liberalizma: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. 1–3 oktyabrya 2015 g., g. Orel, Priokskiy gosudarstvennyy universitet* [Ethno-confessional and national problems of the development of domestic statehood in the theory, programmatic and political and legal practice of Russian liberalism: Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference. October 1–3, 2015, Orel, Prioksky State University]. Orel: Izdatel'skiy dom «ORLIK», 2015, pp. 154–163.

35. Nikolyukin, A. Fenomen Merezhkovskogo [The phenomenon of Merezhkovsky], in *D.S. Merezhkovskiy: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Dmitriya Merezhkovskogo v otsenke sovremennikov: antologiya* [D.S. Merezhkovsky: pro et contra: the personality and work of Dmitry Merezhkovsky as assessed by contemporaries: an anthology]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2001. 568 p.

(Monographs)

36. Kolerov, M.A. *Ne mir, no mech. Russkaya religiozno-filosofskaya pechat' ot «Problem idealizma» do «Vekh». 1902–1909* [Not peace, but a sword. Russian religious and philosophical press from “Problems of Idealism” to “Milestones”. 1902–1909]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 1996. 375 p.

37. Rogoznyy, P.G. *Tserkovnaya revolyutsiya 1917 goda (Vysshee dukhovenstvo Rossiyskoy Tserkvi v bor'be za vlast' v eparkhiyakh posle Fevral'skoy revolyutsii)* [Church Revolution of 1917 (The highest clergy of the Russian Church in the struggle for power in the dioceses after the February Revolution)]. Saint-Petersburg: Liki Rossii, 2008. 223 p.